

Б. Н. Чичерин

**Политические мыслители
древнего и нового мира**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б. Н. Чичерин
Б11 Политические мыслители: древнего и нового мира / Б. Н. Чичерин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 436 с.

ISBN 978-5-518-01483-1

Б. Н. Чичерин – один из талантливейших русских ученых второй половины XIX – начала XX в., основной областью исследований которого была история политических учений прошлого. В свою книгу «Политические мыслители древнего и нового мира» автор включил самых выдающихся представителей западной политической мысли, что делает его как незаменимым учебным пособием по истории политических и правовых учений, так и просто увлекательным чтением для всех интересующихся социальными науками. По содержанию работа Чичерина почти полностью соответствует современным программам высших учебных заведений и уровню вузовских учебных пособий, но значительно превосходит их по ясности, красоте и широте изложения.

ISBN 978-5-518-01483-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

совершенство означает согласіе пастоящаго состоянія съ предыдущими и послѣдующими, и всѣхъ вмѣстѣ съ существомъ и природою человека. Въ этомъ и заключается мѣрило свободныхъ человѣческихъ дѣйствій, составляющихъ предметъ нравственности. Тѣ свободныя дѣйствія, которыя ведутъ къ совершенству, называются добрыми, тѣ, которыя ведутъ къ несовершенству, дурными. Отсюда ясно, что дѣйствія сами по себѣ могутъ быть хороши или дурны, а не становятся таковыми единственно вслѣдствіе предписанія высшаго. Они въ себѣ самихъ заключаютъ и побужденіе для воли, ибо воля движется представленіями добра или зла. А такъ какъ одно и тоже не можетъ вмѣстѣ быть и не быть побудительною причиною дѣйствія, то невозможно, чтобы воля, имѣя представленіе добра, не хотѣла бы его получить. Если мы иногда не желаемъ добра, то это происходитъ единственно отъ недостаточнаго его познанія. Тоже самое относится и къ злу, которое въ себѣ самомъ заключаетъ побудительную причину удаляться отъ него. Соединеніе съ дѣйствіемъ известной побудительной причины называется *обязательствомъ*. Слѣдовательно, такъ какъ сама природа вещей соединяетъ съ добрыми или злыми дѣйствіями побудительныя причины хотѣнія и нехотѣнія, то сама природа обязываетъ насъ дѣлать добро, избѣгать зла и предпочитать лучшее худшему. Призраки же добра или зла, которыми мы иногда увлекаемся, происходятъ не отъ природы, а отъ нашего невѣжества и заблужденія *).

Правило, съ которымъ мы обязываемся сообразо-

* V. G. v. d. M. Th. u. L., часть I, гл. 1, §§ 1—12.

вать свои дѣйствія, называется закономъ. Естественнымъ закономъ называется въ частности тотъ, котораго обязательная сила проистекаетъ отъ природы вещей. Этимъ онъ отличается отъ закона Божьяго и человѣческаго. На основаніи сказаннаго выше, коренной законъ природы, изъ котораго проистекаютъ всѣ остальные, будетъ слѣдующій: «дѣлай то, что совершенствуетъ тебя и твое состояніе, и избѣгай того, что ведетъ тебя и твое состояніе къ несовершенству». Этотъ законъ познается разумомъ, который усматриваетъ связь вещей; разумъ есть, слѣдовательно, учитель естественнаго закона. Поэтому тотъ, кто устриваетъ свою жизнь сообразно съ разумомъ, живетъ по закону природы. Разумный человѣкъ не нуждается въ иномъ законѣ; посредствомъ разума онъ самъ себѣ служитъ закономъ.

Заключая въ себѣ обязательную силу, проистекающую отъ природы, естественный законъ не нуждается и въ предписаніи вышшаго. Онъ существовалъ бы, даже если мы предположимъ, что нѣтъ Бога. Поэтому ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что безбожіе влечетъ за собою дурную жизнь. Къ порокамъ ведетъ человѣка не безбожіе, а невѣжество относительно добра и зла, которое бываетъ и у людей вѣрующихъ. Однако, такъ какъ божественный разумъ — источникъ всякой возможности, а божественная воля — всякой дѣйствительности, то и естественный законъ проистекаетъ отъ изволенія Божьяго. Слѣдовательно, воля Божья и законъ природы въ сущности совпадаютъ, и тѣ, которые хотятъ сдѣлать первую источникомъ послѣдняго, не могутъ вывести никакого другаго закона, кромѣ закона совершенства. Высшее совершенство есть побудительная при-

чина самой воли Божьей. Творецъ не могъ дать человѣку янаго закона, ибо не можетъ требовать отъ человѣка иныхъ дѣйствій, кромѣ тѣхъ, которыя ведутъ къ совершенству *).

Такимъ образомъ, совершенство составляетъ конечную цѣль всей нашей жизни; мы обязаны направлять къ нему всѣ свои дѣйствія. Но полное совершенство свойственно только Божеству; никакое сотворенное существо, по своей ограниченности, не можетъ достигнуть этого состоянія. Слѣдовательно, естественный законъ обязываетъ человѣка только непрерывно стремиться къ большому и большому совершенству. Въ этомъ состоитъ для человѣка высшее благо, которое доставляетъ ему и высшее возможное для него счастье, ибо счастье состоитъ въ постоянномъ удовольствіи, а такое удовольствіе возбуждается созерцаніемъ совершенства. Напротивъ, всякое призрачное удовольствіе, такъ какъ оно не только не ведетъ къ большому совершенству, а напротивъ, производитъ несовершенство, не можетъ быть продолжительнымъ; оно непременно смѣняется печалью. Слѣдовательно, соблюденіе естественнаго закона есть вмѣстѣ и средство для достиженія счастья **).

Изъ этого видно, что кромѣ обязательной силы, пронстекающей изъ самой природы дѣйствій, съ закономъ соединяется еще другая, основанная на томъ, что добро влечетъ за собою счастье, а зло несчастіе для человѣка. А такъ какъ эти побудительныя причины связаны съ нашими дѣйствіями волею

*) G. V. v. d. M. Th. u. L. §§ 17—24, 20, 34, 35.

**) V. G. v. d. M. Th. u. L. § 40, 44—57.

Божією, то изъ этого ясно также, что естественный законъ есть законъ божественный, за исполненіе или неисполненіе котораго положены награды и наказанія. Противъ этого возражаютъ, что не всегда за добромъ слѣдуетъ счастье, а за зломъ несчастье человѣка; но это возраженіе недостаточно: 1) потому что мы часто ошибаемся въ нашихъ сужденіяхъ о людяхъ, считая достойными счастья тѣхъ, которые въ дѣйствительности его не заслуживаютъ, и наоборотъ. 2) Счастье и для злыхъ служитъ побужденіемъ любить Бога, ибо они своимъ благоденствіемъ обязаны ему, а не себѣ. 3) Счастье приводитъ иногда къ большому несчастью, и это учитъ насъ не превозноситься отъ избытка благъ. 4) Несчастье, въ свою очередь, нерѣдко становится средствомъ къ достиженію счастья или побужденіемъ воздержаться отъ зла. Поэтому, во всякомъ случаѣ, желаніе получить счастье и отвратить отъ себя несчастье можетъ служить для насъ побудительною причиною дѣлать добро и избѣгать зла. Однако эти соображенія нужны только для безразсудныхъ, которые побуждаются къ дѣйствіямъ надеждою награды или страхомъ наказанія. Мудрый же не нуждается въ нныхъ побужденіяхъ, кромѣ естественной обязанности; онъ дѣлаетъ добро, потому что это добро, и воздерживается отъ зла, потому что это зло, уподобляясь этимъ Богу, который не имѣетъ надъ собою высшаго и не подлежитъ наградамъ и наказаніямъ *).

Привычка направлять свои дѣйствія сообразно съ естественнымъ закономъ называется *добродѣтелью*, противоположное тому *порокомъ*. Сужденіе о добротѣ

*) V. G. v. d. M. Th. u. L. гл. I, § 30, 31, 36—39.

или порочности дѣйствій получаетъ названіе *совѣсти*. Такое сужденіе возможно только черезъ посредство разума, который, усматривая связь вещей, можетъ судить о томъ, что ведетъ къ совершенству или къ несовершенству. Слѣдовательно, совѣсть проистекаетъ отъ разума; человѣкъ потому имѣетъ совѣсть, что онъ разумное существо. Удовольствіе же и неудовольствіе, которыми сопровождается совершеніе добра или зла, не составляютъ собственно совѣсти, хотя часто смѣшиваются съ нею. Это не болѣе, какъ послѣдствія совѣсти, ибо мы ощущаемъ удовольствіе, когда усматриваемъ согласіе, и неудовольствіе, когда видимъ несогласіе въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ. Изъ этого ясно, что спокойная совѣсть, проистекающая изъ правильныхъ сужденій, одна можетъ устранить многіе поводы къ неудовольствію и тѣмъ самымъ доставить человѣку истинное счастье. Слѣдовательно, для достиженія блаженства необходимо, чтобы человѣкъ всѣ свои поступки возводилъ къ правильнымъ сужденіямъ. Онъ долженъ, при каждомъ своемъ дѣйствіи, сознавать ту цѣль, которую онъ имѣетъ въ виду, и всѣ эти цѣли связывать между собою, такъ чтобы всѣ онѣ составляли средства для достиженія главной цѣли жизни, то есть, совершенства. Наука, указывающая человѣку правильное устройство жизни, называется мудростью. Лейбницъ вѣрно опредѣлялъ ее, какъ науку блаженства. Однако, замѣчаетъ Вольфъ, я предпочитаю свое опредѣленіе, ибо оно яснѣе и даетъ лучшія основанія для дальнѣйшихъ выводовъ *).

Стремясь къ мудрости, человѣкъ долженъ въ осо-

*) V. G. т. J. M. Th. u. L. §§ 80, 106, 108, 134, 135, 140, 141, 315.

бенности стараться приобрести господство надъ своими высшими чувствами, надъ воображеніемъ и страстями, которыя нерѣдко затмѣваютъ разумъ, представляя намъ призрачное добро вмѣсто истиннаго, и отвлекая наше вниманіе отъ естественнаго закона. Владычество чувствъ, воображенія и страстей составляетъ рабство чловѣка, величайшее препятствіе къ исполненію естественнаго закона, а потому и къ достиженію счастья. Напротивъ, въ господствѣ разума выражается свобода чловѣка, ибо тогда онъ властенъ надъ собою *).

Съ своею педантическою манерой, Вольфъ даетъ подробныя наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ достигать мудрости. Во-первыхъ, говоритъ онъ, когда утромъ просыпаешься, надобно обдумать, что будешь дѣлать въ теченіи дня, и что можетъ съ нами случиться. 2) Надобно разсмотрѣть, чѣмъ каждое изъ этихъ дѣйствій и обстоятельствъ можетъ способствовать нашему совершенству. 3) Когда ложишься спать, надобно перебрать все, что сдѣлалъ въ теченіи дня, и 4) надобно разсмотрѣть, насколько все это содѣйствовало достиженію конечной нашей цѣли. Всѣ сужденія непремѣнно должны быть приведены въ умозаключенія, которыхъ правильность должна быть изслѣдована, какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны формы. Въ этомъ Вольфъ видитъ единственное средство приобрести прямую совѣсть **).

Содержаніе естественнаго закона составляютъ обязанности чловѣка. *Обязанностью* называется, вообще, дѣйствіе сообразное съ закономъ. Первыя обязан-

*) V. O. v. d. M. T. u L. §§ 180—185.

***) V. O. v. d. M. Th. u L. § 94, 173.

ности относятся къ самому себѣ. Онѣ заключаются въ совершенствованіи души, тѣла и своего внѣшняго состоянія. Для этого необходимо прежде всего самопознаніе, а такъ какъ оно невозможно безъ познанія другихъ, то человѣкъ обязанъ познавать и другихъ. Въ этомъ состоитъ совершенство разума, а черезъ посредство разума совершенствуется и воля, когда истинное познаніе добра и зла становится для нея побудительною причиною дѣятельности. Относительно тѣла, наши обязанности заключаются въ сохраненіи жизни и здоровья, въ развитіи тѣлесныхъ способностей и въ пользованіи такими удовольствіями, которыя не влекутъ за собою страданій. И здѣсь, въ силу закона совершенства, всѣ тѣлесныя движенія и все, что принадлежитъ къ тѣлу, должно быть исполнѣе согласно одно съ другимъ, а также и съ общею цѣлью жизни. Наконецъ, человѣку нужно извѣстное имущество, какъ для удовлетворенія своихъ нуждъ и желаній, такъ и для своего совершенствованія. Отсюда обязанности труда, бережливости и довольства своею судьбою, которое одно даетъ человѣку душевное спокойствіе. Къ внѣшнимъ преимуществамъ принадлежитъ и честь, то есть, доброе мнѣніе другихъ. И объ ней человѣкъ обязанъ заботиться, стараясь быть достойнымъ истиннаго уваженія. Но вообще, такъ какъ внѣшнія преимущества не зависятъ отъ человѣка и по существу своему измѣнчивы, то человѣкъ обязанъ не превозноситься въ счастіи и терпѣливо переносить несчастіе *).

За обязанностями къ себѣ слѣдуютъ обязанности къ Богу, какъ источнику всякаго совершенства. Бу-

*) У. О. т. д. М. Тн. в. Л. часть II.

лучи обязанъ стремиться къ возможно полному познанию вещей, человекъ долженъ познавать Бога, какъ существо совершеннѣйшее. Живое же познание Бога, то есть, такое, которое дѣйствуетъ и на волю, ведетъ къ тому, что мы божественныя совершенства дѣлаемъ побудительными причинами своихъ поступковъ. Въ этомъ состоитъ почтеніе къ Богу, которое, слѣдовательно, составляетъ также обязанность человека. Устройство всей жизни сообразно съ богопочтеніемъ есть благочестіе, которое возвышаетъ всѣ добродѣтели, ибо мы черезъ это относимъ всѣ свои дѣйствія къ верховному совершенству. Поэтому, хотя атеистъ можетъ жить по естественному закону, однако добродѣтель его всегда остается на низшей ступени. Съ почтеніемъ къ Богу соединяется и любовь къ нему, ибо живое познание совершенства влечетъ за собою любовь. Поэтому человекъ обязанъ любить Бога. Наконецъ, изъ тѣхъ же началъ вытекаютъ страхъ Божій, надежда, благодарность и т. д. Исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей составляютъ внутреннее богослуженіе, которое, выражаясь во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, служитъ основаніемъ богослуженія внѣшняго. Последнее поэтому принадлежиль также къ обязанностямъ человека *).

Наконецъ, третій разрядъ обязанностей составляютъ обязанности къ ближнимъ. Онѣ вытекаютъ изъ общаго закона совершенства, который требуетъ, чтобы добро вообще, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, потому только, что оно добро, было побудительною причиною дѣйствій человека. Поэтому, мы должны стремиться къ совершенствованію другихъ, также

*) V. G. v. d. M. Th. u. L. часть III.

какъ и самилъ себя. А такъ какъ совершенство ближнихъ состоитъ въ томъ же самомъ, въ чемъ и наше, то обязанности обоого рода одинаковы. Поэтому человекъ долженъ, по мѣрѣ силъ, помогать другимъ въ достиженіи совершенства *).

До сихъ поръ все въ изложеніи Вольфа идетъ вполне послѣдовательно; но здѣсь онъ полагаетъ ограниченіе, которое существенно видоизмѣняетъ самое начало его теоріи. Онъ утверждаетъ, что мы не обязаны помогать другому въ томъ, что онъ можетъ одѣлать собственными силами. Это выводится изъ того, что наибольшее совершенство достигается тамъ, гдѣ каждый дѣлаетъ все, что онъ въ состояніи исполнить, требуя помощи другихъ только въ случаѣ невозможности получить что-нибудь собственными средствами. Иначе, говоритъ Вольфъ, нѣкоторыя силы будутъ теряться, а другія отвлекаться отъ настоящаго своего назначенія, слѣдовательно, совершенство будетъ меньше. Точно также мы не обязаны помогать другому въ дѣлѣ, которое не состоитъ въ нашей власти. Поэтому, напримѣръ, слабосильный человекъ не обязанъ помогать другому, попавшему въ руки разбойниковъ, ибо онъ подвергъ бы только опасности собственную жизнь, не избавивъ другаго отъ бѣды **).

Эти ограниченія служатъ Вольфу средствомъ спасти самостоятельность личныхъ цѣлей человека, которыя иначе должны исчезнуть въ подчиненіи общему закону. Мы можемъ видѣть здѣсь коренной недостатокъ, свойственный всему этому направленію.

*) V. O. v. d. M. Th. u. L. часть IV, гл. I, § 767, 768.

**) V. O. v. d. M. Th. u. L. часть IV, гл. I, § 769—772.

Нравственное начало, вытекающее изъ требованій разума, познающаго законъ или связь вещей, выводитъ человѣка изъ личной сферы и подлагаетъ ему общія цѣли и стремленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ не перестаетъ быть отдѣльнымъ, самостоятельнымъ лицомъ; это — другая, личная сторона его жизни, на которой основано право, и которая составляетъ существенную часть его естества. Между тѣмъ, эта сторона теряетъ настоящее свое значеніе у тѣхъ философовъ, которые отправляются исключительно отъ нравственнаго элемента; чисто личные требованія и стремленія не объясняются изъ ихъ системы. Поэтому, когда они стараются изъ своихъ началъ вывести противоположныя, они постоянно принуждены прибѣгать къ оговоркамъ, то ссылаясь на испорченность человѣческой природы, которая дѣлаетъ совершенство невозможнымъ, то вводя ограниченія, которыя не согласуются съ ихъ собственными основаніями. Последнее мы видимъ въ настоящемъ случаѣ у Вольфа. Съ нравственной точки зрѣнія, эти оговорки отнюдь не оправдываются. Нѣтъ сомнѣнія, что при взаимной помощи достигается высшее совершенство, нежели при одинокой дѣятельности человѣка; а такъ какъ мы должны всегда выбирать наилучшее, то обязанность помогать другимъ не ограничивается случаями необходимой нужды. Нѣтъ сомнѣнія также, что самопожертвованіе слабосильнаго человѣка, старающагося освободить другаго изъ рукъ разбойниковъ, стоитъ нравственно выше, нежели боязливое уклоненіе отъ подачи помощи. Еще менѣе можно согласиться съ Вольфомъ, когда онъ утверждаетъ, что человѣкъ, очень полезный обществу, обязанъ не